

Международный
день театра
установлен
в 1961 году

НИГДЕ ИСКУССТВО НЕ ЗАРАЖАЕТ БОЛЕЕ МОГУЧЕ, КАК СО СЦЕНЫ

А. ЛУНАЧАРСКИЙ

МОЛОДОЙ КОММУНАР
г. Воронеж

28 MAR 1970

СЦЕНА по сравнению со всем помещением театра — очень маленькое пространство. И живет она в сутки всего лишь несколько считанных часов. А каждый актер на ней — и того меньше. Иные только минуту-другую.

Но она — эпицентр всей жизни тех, кто связан с ней своей судьбой.

И тех, кто каждый вечер лицедействует на ней, и тех, кто освещает ее, и тех, кто воздвигает на ней декорации, и даже тех, кто у входа проверяет билеты, а в раздевалке принимает пальто.

Зрительный зал днем в большинстве случаев молчалив и затенен, как осенняя дубрава в сумерках. Тишина, пустые обтяжки кресел, высокий потолок. А вокруг по периметру идет жизнь, смысл которой состоит в том, чтобы, когда в зале поселится удивительное тысячелюбое и тысячеглазое существо, — зритель, сцена для него стала бы сильным и постоянным магнитом.

...Одна из комнат воронежского театра юного зрителя. В ней сумятица нарезанного картона, ватмана, всплески красок, запах клея, молнии ножниц, четкий карандаш — работают театральные художники. У окна висит клетка с канарейками, внося ноту домашности. Но это не чья-то прихоть: канарейки — самые настоящие артистки. Они участвуют в спектакле «Недоросль».

В комнату временами доносится глухой шум — это маленькие доверчивые зрители переживают на спектакле «Винни-Пух». Школьные каникулы, и театр дает по три спектакля.

А здесь, в комнате, уже складывается фундамент художественного оформления других спектаклей. Художник Владимир Бабанов оформляет «В ночь под тридцатое». Премьера близится, она не за горами, и лицо спектакля уже вырисовывается. А Лав-

рентий Сучков в самом разгаре поисков. Пьеса В. Лифшица «Ленинская улица» сложная по композиции, в ней прошлое перемежается с настоящим, что требует своего особого оформления.

Но стержень всей пьесы — подвиги во время войны на Ленинской улице. И поэтому рождается такая важная деталь — задник спектакля будет представлять собой часть кирпичной стены с табличкой названия улицы. Эта часть — тревожного красного цвета, цвета нашего флага.

А рядом — макеты, в которых по цвету, рисунку уга-

дывается четкости и слаженности. Лица у балерины усталые. Ведь за плечами у каждой уже был урок, с которого начинается каждое утро. А потом еще плюс три часа репетиции. А затем за час до начала спектакля она еще должна заgrimироваться. Кроме того, самостоятельные репетиции. Вот из чего складывается жизнь балерины — пот ежедневного напряженного труда. Дня, затянутого в тугие ремни режима.

А вечером — преодоление тяжести, ощущение легкости и послушности своего тела. И зритель совсем не догадывается о том, чего это сто-

ит этой комнаты, за окном конец марта 1970 года, — но все равно, все равно печальный Ленский, чувствуя, что завтра будет убит, изливает свою душу, и глаза невольно ищут Ольгу. Но вот Мария Григорьевна обрывает игру, неведомо замолкает, слушает советы и начинает снова и снова. А настоящий Ленский будет потом, позже, 28 числа, когда прозвучит увертюра, откроется занавес и начнется старая русская опера.

...А в драматическом театре имени А. Кольцова идет дневной спектакль для детей «Иван да Марья», в котором участвует почти весь моло-

дежный состав. В небольшом холле рядом с входом на сцену сидят свободные от спектакля и репетиций актеры. Курят, балагурят. К ним подсаживаются те, кто по ходу действия сказки пока еще не нужен на сцене. Курят, балагурят... Но когда глухо доносятся крики детей: «Не бери! Не бери!» (это злодей протягивает Машеньке отравленное яблоко) разговор на мгновение смолкает — сквозь внешнюю безразличность проглядывает профессиональное братство.

А наверху, в своей мастерской возле окна, поблескивая очками как-то празднично и потерянно сидит главный художник драмтеатра Никандр Патрикеев. Вместо обычного рабочего беспорядка в мастерской чистота. Стоит в углу макет. Он только что закончен. Откуда-то сверху спускается к рампе серая булыжная поверхность. Наверху — злобная фигура немецкого солдата с автоматом. А если потянуть за тросики, то передняя часть поверхности подымается, открывая внутренность комнаты, — вот как будет оформлен спектакль по пьесе Леонида Леонидова «Нашествие». Оригинальное художническое решение этой постановки найдено, небольшой перерыв, а впереди — уже новый спектакль...

...Дети, захваченные артистическим, могут так же предупредить об опасности криками из зала и кукол на сцене, как предупреждают взрослых актеров. Они легко и всерьез входят в игру, предложенную им кукольным театром. Но несмотря на это огромное доверие, кукольный спектакль требует такой же тщательной отделки, как и взрослый. И поэтому режиссер кукольного театра Игорь Лукин напряженно ведет репетицию. «Не так! Не так!» — срывается он из-за стола и прекращается гром пушек (микрофон, приставленный к горлу), не летят больше ядра (пеностопластовые шары) и Тит, который только что лихо командовал и орал, замирает мертвой куклой. «Оценку, оценку этому давайте», — требует режиссер у актера. «Начали», — командует он, и опять летят ядра, гремят пушки и командует Тит. «Стоп! Стоп!» — снова останавливается действие и снова начинается, и так почти до бесконечности. Премьера спектакля «Неразменный рубль» не за горами и надо закрепить то, что найдено в поисках. Работа в репетиционном зале (кстати, после выездного спектакля в клубе мостозавода) еще идет долго, пока не будут валиться с ног не только режиссер и актеры, но, кажется, даже и куклы. А завтра — точно такой же напряженный день, и тут уж ничего не сделаешь — премьеры на носу.

Эти строки — попытка рассказать об одном обыкновенном дне воронежских театров. Дне, который предшествует вечеру.

А каждый вечер для театра — праздник.

В. ЛОБОВДОВ.

А ЧТО В ТЕАТРЕ ДНЕМ?

дывается оформление какой-то славной русской сказки. Так и есть — «Конек-горбунок». Ставить ее будет режиссер театра оперы и балета Семен Штейн, оформлять художник Эдуард Гончаров.

...Из чего складывается изящество и легкость балерины, когда она почти невесомая танцует вечером на сцене?

Далеко не празднично в балетном классе. Константин Александрович Муллер, главный балетмейстер театра оперы и балета, заслуженный деятель искусств БССР, лауреат Государственной премии и педагог Надежда Федоровна Полякова проводят свертую репетицию первого акта «Ромео и Джульетты» — «Улица просыпается». Спектакль должен состояться на следующий день. Партию Ромео будет исполнять Валентин Драгавцев, Джульетты — Людмила Синельникова. Они уже отрепетировали. Очередь за кордебалетом. Десятки раз заставляя Константин Александрович повторять отдельные па, добива-

ет... А пока Константин Александрович снова и снова сердитым голосом заставляет повторять па.

А до вечера еще ох как далеко...

...Так из темноты попадают на солнце, так выйдя из-за угла, натываются на сильный ветер — голос едва слышимый за тяжелой дверью вдруг ошеломил своей силой, когда ее внезапно открыли. Возле двери на стене табличка — «Класс имени народного артиста РСФСР А. А. Любимина». Класс этот совершенно небольшой и в нем происходит спевка. Здесь находится будущая Татьяна — Анна Матвеева, будущий Евгений Онегин — Михаил Орешечкин, будущий Ленский — Виктор Битюцкий, главный концертмейстер театра оперы и балета Мария Григорьевна Ляндрес и дирижер Георгий Сурмава. «Паду ли я стрелой пронзенный», — поет Виктор Битюцкий. Он молод — ему двадцать один год, он в повседневном костюме, он не напомажен, он не в цилиндре, его голос слишком громок для

Сцена из дневного спектакля Воронежского драматического театра имени А. Кольцова «Иван да Марья».

Художники театра юного зрителя Владимир БАБАНОВ и Лаврентий СУЧКОВ за работой.